

Их любовь была коротка, как коротки были их жизни. Американская «революционная» танцовщица Айседора Дункан и русский поэт Сергей Есенин — вряд ли своенравная судьба могла создать более экстравагантный союз, настолько экстравагантный, что многие факты и обстоятельства их личной жизни у нас в стране просто замалчивались. Между тем, как все яркие личности, обреченные на общественное внимание, Айседора Дункан и Сергей Есенин и сегодня привлекают интерес многих людей. Мы предлагаем читателям фрагменты из не переведившейся раньше на русский язык книги близкого друга Айседоры, Мэри Дести. Полностью книга в скором времени выйдет в издательстве «Республика».

Айседора и Сергей

в книге Мэри Дести
«Нерассказанная история»

В ЯНВАРЕ 1901 года, после неудачного замужества и развода, я взяла подмышку своего полторагодовалого сына и уехала в Париж учиться сценическому искусству. В то время у меня был отличный голос.

Мы приехали в Париж в десять вечера, и я сняла комнату в привокзальном отеле. Я попросила горничную приготовить нам с ребенком ванну. Ванная комната находилась очень далеко от моего номера. Вода в ванне оказалась ледяной, и я никак не могла согреть посиневшего сына.

Утром у него поднялась температура. В газете я увидела объявление, что некий Дональд Дауни «может помочь найти нужное вам жильё». Я взяла ребенка и поехала по указанному адресу. Мистер Дауни сказал, что у него есть именно такая комната, которая мне нужна, и пригласил выпить чаю с его женой и приятной американской леди.

Ко мне подошла высокая величественная дама, обняла меня и притянула к себе моего сына. «Мэри, милая, я сейчас же увезу вас обоих домой к Айседоре».

Дома миссис Дункан, отворив дверь, крикнула: «Айседора, Айседора, поспоти, кого я привезла к тебе — Мэри и ее мальчика».

Айседора и Реймонд, ее брат, подбежали ко мне, обняли, а потом закружились вокруг, как будто именно меня они и ждали. В этот момент Айседора вошла в мое сердце и осталась там на веки вечные.

Как описать Айседору? Она была в короткой танцевальной туннике из бесцветной кисеи, спадающей мягкими складками по ее стройному тоненькому телу, изящная головка, покоившаяся на лебединой шее, чуть-чуть по-птичьи склонилась набок, как будто не выдерживала тяжести золотисто-каштановых кудрей; маленький вздернутый носик придавал ей в какой-то мере земной облик, и если бы не он, я бы бросилась перед ней на колени, считая, что передо мной небожитель. Голова моя кружилась от восторга, но голос с настоящим американским акцентом опустил меня на землю.

Айседора и Реймонд схватили меня за руки, и мы, как дети, закружились в хороводе под аккомпанемент миссис Дункан, которая весело играла на рояле, посадив на него моего сына. Это было началом дружбы, продолжавшейся всю жизнь.

...На новой квартире меня начал преследовать богатый сосед — армянин.

Мы с Айседорой, которая поселилась у меня вместе с матерью, решили бежать с помощью Реймонда. В полночь мы выбросили в окно свои вещи и уехали в карете, которую нанял Реймонд. Не знаю уж, что подумал армянин, когда вернулся из Монте-Карло и увидел пустую квартиру и кучу накопившихся счетов.

В отеле «Палас», где мы стали жить, мы так смеялись от радости по поводу бегства, что дама в соседнем номере начала стучать нам в стену и говорить, что она прямой потомок Эдуарда II, что у нее трясется голова и поэтому ее нельзя раздражать. Это развеселило нас еще сильнее. В конце концов она стала угрожать, что позовет управляющего, но мы опередили ее. Айседора позвонила ему и печальным голосом сообщила, что дама из соседнего номера не дает нам спать. Вскоре мы услышали стук в ее дверь, а затем громкую перебранку.

Через несколько дней мы с Айседорой вернулись жить в ее студию, а миссис Дункан с моим сыном поселилась в квартале художников невдалеке от Мулен-Руж. Мы с Айседорой ездили туда на уик-энд. Я помню одно пасхальное воскресенье, когда мы поднялись высоко на холмы и сидели там весь день, слушая Айседору, которая читала Шекспира и Шелли. Чтение ее было сама красота и невинность.

Как мы были счастливы! В это время я стала заниматься вокалом со знаменитым учителем пения Марчеси и сценическим искусством с актером из «Комеди Франсез». Айседора всегда сопровождала меня на эти уроки и всячески подбадривала. В тот период Айседору совсем не интересовала любовь и любовники, и мы никогда не говорили о сексе. Были только учение и напряженный труд. Мне Айседора казалась прекрасным редким цветком, изящным и хрупким, и все ее мысли были только о ее искусстве.

Жили мы в основном в студии, но когда первого числа каждого месяца поступало мое пособие в сумме ста пятидесяти долларов, что тогда казалось огромным состоянием, то переселялись в «Маргарит» или какой-нибудь другой отель и кутили до тех пор, пока не иссякали деньги. Искусство Айседоры начало завоевывать в Париже большую популярность, и раз или два в месяц она танцевала в своей студии, и на эти ее представления собиралась вся элита. Перед каждым концертом вступительное слово произносила какая-нибудь знаменитость, даже старый тигр Клемансо. Я помню утро, когда мы с Айседорой отправились его искать. Когда мы отважно вошли в его кабинет и спросили, не согласится ли он побеседовать со зрителями перед представлением Айседоры, он сначала расхохотался от мысли, как это он будет говорить о танцах, но потом идея ему понравилась и он стал приходить очень часто, так же как и его брат со своей очаровательной русской женошкой.

На одном из выступлений Айседоры произошло знаменательное событие. Уже шла беседа, Айседора одевалась за занавесом, отгораживавшим угол комнаты, который служил сценой. Айседора танцевала в золотых сандалиях с очень высоко переплетающимися ремнями. Уже тогда она любила глотнуть

спиртного перед танцем. И вот бокал виски выскользнул у нее из рук, и содержимое вылилось в сандалию. Запах был такой, что мы начали смеяться, да так, что не в состоянии были зашнуровать сандалию. А тем временем беседа закончилась и заиграла музыка.

Я схватила сандалию, швырнула их в угол и выпихнула Айседору на сцену босиком. Это был первый случай, когда Айседора танцевала босая, и сенсация была так велика — все превозносили красоту ее ног, — что она стала всегда танцевать босиком.

В этот вечер Реймонд вел «страшную борьбу» на два фронта: с одной стороны, впускал людей, заплативших по сто франков, а с другой — не давал войти консьержу, который требовал квартирную плату. Реймонд победил.

После двух лет такой великолепной жизни мне пришлось по требованию мамы вернуться в Америку, где я вышла замуж за своего старого поклонника — добрейшего, преданнейшего друга, о котором только может мечтать женщина, — и не виделась с Айседорой три года, хотя все время переписывалась с ней.

В ГОСТЯХ У ВАГНЕРА

В СЛЕДУЮЩИЙ РАЗ я поехала в Европу через несколько лет и направилась прямо в Германию на встречу с Айседорой, которая жила в Шарлоттенбурге. Айседора не ожидала меня и очень обрадовалась. Она тут же затащила меня в свою комнату, где, не переставая бурно танцевать от радости, спросила:

— Мэри, Мэри, почему ты мне не говорила? Почему ты мне не говорила?

— Чего не говорила?

— Почему ты не говорила мне, что такое любовь?

Я растерялась и не могла понять, о чем она говорит.

— Не красней, — сказала она, — я все знаю об этом. Это чудеснейшая вещь на свете. Мне понадобится много недель, чтобы тебе все рассказать. Будапешт — Ромео — Любовь. Мэри, у нас никогда не будет секретов друг от друга. Тебе я могу открыть сердце. Здесь, в этом доме, все на меня злятся. Те-

перь я знаю суть всего — музыка, танцы и вообще все стало другим после того, как мне открылась любовь. Я рождена для любви.

Кружась по комнате, она выхватила из вазы несколько цветков, вплела их в свои кудри и начала танцевать как безумная.

— Я больше не невинная дева, которую ты оставила, а расцветшая вакханка.

И вид у нее был вакханки.

— Как же я рада, что ты приехала. Завтра мы едем в Байройт. Только вдвоем. Престон с няней и мама с Темпл придут потом. (Престон — сын Мэри Дести, Темпл — племянница Айседоры Дункан. — Ред.)

На следующий день Айседора заставила меня надеть ее золотые сандалины и греческую туннику и подарила прелестную голубую кашмирскую шаль.

— Завтра мы получим две белые накидки, — сказала она за обедом, — и костюмы будут готовы. Я не позволю тебе вернуться к буржуазной жизни с туфлями на высоких каблуках и модными туалетами. Обещай мне, что отправишь обратно все свои сундуки и не оставишь ни одной вещи.

Итак, в свободных развевающихся одеждах, голубых шальях и белых накидках, в золотых сандалиях на босу ногу мы, как двое близнецов, отправились на следующий день в имение композитора Вагнера в Байройте. Когда фрау Вагнер увидела нас, она сказала:

— Айседора, я думала, что вы одна, но вас же двое...

А увидев наши греческие одежды, спросила:

— Неужели все американцы одеваются, как вы?

На что Айседора ответила:

— Нет, некоторые носят перья.

На протяжении всех шести месяцев, проведенных в Байройте, мы носили развевающиеся креповые платья и изысканные креповые шали.

Мы с Айседорой приехали в Байройт, смеясь, с песнями и танцами. Айседора была сама юность. С первого дня мы стали любимцами семьи Вагнеров и всего их круга. Мы жили под музыку Вагнера: ели, спали, дышали ею и видели ее во сне, все остальное ушло из нашего сознания. Здесь не было ни пут, ни условностей, ничего, кроме юности.

Короли, принцы, великие князья и другие люди, которых мы ежедневно встречали, — все казались естественной частью картины, а так как мы тоже были ее частью, то не было ничего странного, что мы были с ними на самой дружеской ноге. Мы звали друг друга по имени или же давали фантастические языческие титулы. Мы просто и естественно вошли в эту жизнь.

Проходили месяцы. Мы слушали репетиции «Тангейзера», «Кольца нибелунга», «Парсифаля». Никого, кроме занятых в спектаклях, на святой святой репетиции не допускали. Я была там, потому что мы с Айседорой никогда не расставались; я смотрела, как танцует Айседора, а иногда танцевала вместо нее с двумя немецкими балеринами, а Айседора с фрау Вагнер смотрели из зала. Так продолжалось несколько месяцев, пока Айседора не решила, что она довела свою роль до совершенства. Однажды произошло событие, которое подтолкнуло меня к решению оставить сцену. Я танцевала роль Айседоры в «Трех Границях» вместе с двумя немецкими балеринами, когда фрау Вагнер во всеуслышание воскликнула с восторгом:

— Чудесно, и как она на вас похожа!

Айседора бросилась на сцену, схватила меня за плечи и начала трясти.

— Никогда этого больше не делай, — вскричала она, — никогда, никогда.

Я была так поражена, что чуть не задохнулась. По дороге домой она не переставая повторяла:

— Это ужасно, даже выражение глаз мое! Больше я никого учить не буду. Получается только моя имитация.

На этом закончились мои танцы, да и вообще сценическая карьера.

ЧЕРНЫЕ КОШКИ, ЧЕРНЫЕ ПТИЦЫ...

В РАЗЛИЧНЫЕ периоды жизни Айседору мучили галлюцинации, и, как это ни странно, она верила в дурные приметы и проклятия.

За несколько дней до гибели своих детей Айседора обедала у меня дома с Гарольдом Спенсером, лордом Дугласом, профессором Корнелиусом и еще несколькими людьми. Она предложила всем поехать к ней в студию в Нён, чтобы лорд Дуглас посмотрел на ее детей.

В студии было довольно мрачно, и когда мы вошли, Айседора с дрожью в голосе спросила меня:

— Ты видела, там, перед занавесом, пробежали три черные кошки?

Все бросились к занавесу, но никаких кошек не обнаружили. Айседора сказала:

— Как странно. По-моему, я схожу с ума. Я ясно видела трех кошек. И не только их, бегущих друг за другом. Вчера вечером я видела еще трех огромных черных птиц, которые здесь пролетали.

Кто-то сказал, что это нервы и ей надо обратиться к врачу. Она ответила, что уедет в Версаль, потому что студия действует на нее угнетающе, и ночевать в ней она больше не будет. Возможно, так влияет на нее огромное пространство студии.

Накануне трагедии мы с Айседорой поехали в Версаль, и во время нашего обычного ужина, состоявшего из холодного дылленка, салата и бутылки шампанского, Айседора рассказывала мне содержание книги, которую кто-то положил ей в этот вечер за кулисы и от которой настроение у нее стало очень грустным. Это была «Ниоба, оплакивающая своих детей». Айседора даже представить себе не могла, зачем кому-то понадобилось подкидывать ей эту книгу.

На следующее утро мы встали рано. Маленький Патрик, как настоящий мужчина, пытался подать мне пальто, а Дердри пела и танцевала, кружась по

Мэри Дести. «НЕРАССКАЗАННАЯ ИСТОРИЯ». Нью-Йорк, 1929 г.
Mary Desti. THE UNTOLD STORY New-York, 1929.

Дункан И

2. 1992